

былинный эпос, во всяком случае в известном нам составе, не знает. В этом плане предполагаемая песня о Евпатии Коловрате значительно отличается от былины. Перед нами, следовательно, произведение с сюжетом о выступлении героя во имя мщения за народные беды. Этот сюжет для XIII—XIV веков более историчен, более типичен, нежели сюжет о ликвидации вражеского нашествия.

Вернемся, однако, к началу рассказа. Как уже было сказано, стилистически он вполне согласуется с предшествующими и последующими страницами „Повести“. Но дело не только в этой стилистической стороне. Налицо — тенденция увязать эпизод о Евпатии с некоторыми политическими идеями „Повести“. Имя Евпатия в „Повести“ прочно связано с именем князя Ингваря Ингоревича. Вместе с этим князем Евпатий находился в Чернигове; воины, взятые в плен, заявляют Батыю, что они „посланы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского“. Сразу же вслед за эпизодом о Евпатии следует рассказ о возвращении князя Ингваря в Рязань.

В Основной редакции Б второго вида связь Евпатия с Ингварем еще более выделена. В этой редакции князь Ингварь спешит в Рязань вслед за Евпатием, а затем, уже позже, организует торжественные похороны героя. Поскольку именно князю Ингварю автор „Повести“ приписывает роль восстановителя Рязанской земли, следует сделать вывод, что одной из задач „Повести“ было выдвижение большой роли этого князя, прославление его как лица, благодаря которому возродилась Рязань.¹ Включая в свою „Повесть“ переработанную песню о Евпатии Коловрате, неизвестный автор имел в виду, помимо всего прочего, привязать народнопесенного героя к Ингварю и тем самым представить последнего в виде эпического князя наподобие Владимира. С этой же целью было выбрано и место в „Повести“ для песенной вставки — перед рассказом о горестном возвращении Ингваря из Чернигова. Что перед нами именно вставка, сомневаться не приходится: если убрать эпизод о Евпатии, логический ход повествования не только не нарушится, но станет еще яснее.

Связывая героя-богатыря Евпатия с князем Ингварем, автор „Повести“ явно стремился возвеличить последнего. Однако это ему в полной мере не удалось, он допустил (неосознанно, разумеется) серьезный просчет. Помимо желания автора, образы Евпатия и Ингваря в известной степени оказались противопоставлены в „Повести“. В самом деле, Евпатий, явившийся на развалины Рязани, не только „воскрича в горести душа своя“, но и „разпадаяся в сердды своем“, он бросается в бой, чтобы отомстить за обиды и, может быть, разделить судьбу погибших рязанцев. Беззаветная преданность родине, готовность отдать за нее свою жизнь — вот что характеризует Евпатия. Между тем Ингварь, вернувшись в Рязань и увидев точно такую же картину, что и Евпатий, „жалостно возкричаша“ и „от великаго кричания и вопля страшнаго лежаще на земли, яко мертв“, „и едва отоляшя его“. Нет и намек на то душевное состояние, которое охватило Евпатия, увидевшего разоренную Рязань. Так столкнулись в рамках одного произведения народное понимание патриотизма, выраженное в песенных формах, и феодальные представления о князе-печальнике, выраженные в стиле житийно-воинского повествования.

¹ На большую роль Ингваря в предполагаемом Рязанском летописном своде XIII в. указывает В. Л. Комарович (История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1947, стр. 75).